Принц Оберин Мартелл

Оберин Мартелл позаботился о том, чтобы бросить личный вызов, как можно более скрытно, каждому Лорду, который счел нужным назвать Лорда Старка трусом за то, что он не вышел на поле на турнире. Тем, кто был слишком низок для него, бросали вызов его дочери или племянники.

"Но, отец", - сказала Обара, прежде чем он отправил ее на первую драку. "Почему нам должно быть не наплевать на то, что один Лорд Королевских Земель говорит о другом?"

Оберин вспомнил, что вызов был брошен одним из тех новых лордов Сумеречного Дола, какое бы имя они не носили в эти дни. Или, что более точно, выскочка из Сумеречного Дола решил бросить вызов Джону Старку, который отказался от него, только для того, чтобы Оберин передал вызов Обаре. Его дочка должна быть в состоянии сделать это без каких-либо проблем. Он подошел на шаг ближе, обнял ее за плечи и заглянул в глаза. Они были так похожи на его собственные, что иногда у него перехватывало дыхание. "Ты помнишь, как моя сестра Элия и ее дочь посещали Водные Сады?" Спросил он. Он очень хорошо знал, что это так. Тогда она была еще совсем юной девушкой, неуклюжей и еще не доросшей до своих широких плеч и сильных рук. Рейнис своим высоким тоненьким голоском бросала вызов любому, кто осмеливался сказать хоть слово против ее гораздо более старшего кузена. С этого дня верность Оберина детям его сестры стала абсолютной, даже в течение последних нескольких лет у Элии не было ни бы единого шанса претендовать на своего пасынка. Оберин, однако, не сомневался, что она так и поступила бы, особенно если бы ей представилась возможность увидеть молодого человека, в которого превратился ее пасынок, - все лучшие стороны Рейгара, но без его грязи, начисто вытесненной чисто чертами Северянина. Оберин не претендовал на то, что понимает их или то, как они действуют, но этот задумчивый, серьезный мальчик, чья репутация уже предостерегала от него большинство здравомыслящих людей... И не только Элия могла бы претендовать на него, но и Оберин тоже, учитывая половину того шанса и половину того общего дела, которое их объединяло.

Обара резко кивнула. Не говоря ни слова, Оберин подошел к ней достаточно близко, чтобы прижать их лбы друг к другу. "Лорд - младший брат твоей кузины", - выдохнул он, стараясь говорить так тихо, что даже не был уверен, что его собственная дочь, хотя и хорошо обученная, поймет его. "Всякое оскорбление по отношению к нему или его семье - это оскорбление по отношению к маленькой Рейнис, понимаешь?"

Обара снова быстро кивнула. Однако ее глаза все еще были полны любопытства. "Если мой кузен", - начала она, и Оберин невольно улыбнулся при мысли о том, как Элия улыбнулась бы при этом слове, "может сражаться за себя, то почему я должна сражаться за него?"

"Твой кузен", - сказал Оберин, услужливо закатывая глаза, "наполовину Северянин. Они полагают, что турниры - это просто легкомыслие и что глупо позволять врагу узнать твое истинное мастерство в обращении с любым оружием, не говоря уже о том, какое ты предпочитаешь. Не то чтобы это принесло много пользы твоему кузену. Существует много разговоров, даже без турнира, разносящих слух, что Джон Старк - это Меч Зари, пришедший снова, только моложе и свирепее. Однако в этом есть смысл". Он помолчал немного, глядя прямо на свою первую дочь, пытаясь заставить ее хоть как-то уловить его мысли и чувства, чтобы найти эти невозможные, почти предательские слова. "Пусть они лелеят свои легенды, не пробуя на вкус ничего настоящего, пока не придет время. Пусть твой кузен удивит их, когда придет время нам отомстить. А до тех пор мы не оставим безнаказанным ни одно оскорбление его имени. Ты понимаешь меня, девочка?"

Она еще раз кивнула. "Я понимаю тебя, отец", - сказала она. Она остановилась на мгновение, пока он глядел на наполовину свирепую змею, которой он так гордился, и на наполовину неуверенную девушку, которую он впервые принял так много лет назад. "Как ты думаешь, смогу я с ним подраться?" Спросила она. Теперь на ее лице действительно расцвела улыбка. "Ни зрителей, ни ставок, ни травм. Я просто хочу знать, что человек, который является младшим братом маленькой Рейнис, не является какой-то размазней, который не знает, как держать оружие".

Оберин кивнул. "Я посмотрю, что можно сделать", - пообещал он. Несколько часов спустя он наблюдал, как его (сводный) племянник передал своего маленького сына в руки жены. Он чем-то напоминал Рейгара, но в то же время был настолько другим, что у Оберина перехватило дыхание. Он смотрел на своего сына так же, как Оберин смотрел на своих собственных дочерей, а не тем отстраненным, иногда оценивающим взглядом, которым Рейгар одаривал своих детей. Джон Старк смотрел на своего сына не так, как человек смотрит на своего наследника, как на деловую сделку, как на мешок с возможными будущими возможностями, а как на человека, которого любят, уважают и слушают. И он смотрел на свою жену, такую же болезненно молодую, как и они оба, с такой любовью, что Оберин тосковал по Элларии, которая вынуждена была остаться в Дорне на последние месяцы своей последней беременности. И когда пасынок Элии встретил дочь Оберина мечом к копью, он сделал это до смешного легко. Оберин знал, как хороша была Обара. Обара знала, как она хороша. И все же Джону Старку потребовалось всего несколько движений, чтобы обезоружить ее. "Я думаю, что могла бы отказаться от участия в турнирах", - сказала она ему позже. "Люди шепчутся, что он великолепен, но они понятия не имеют, насколько он смертоносен на самом деле. Он мог бы убить меня в несколько мгновений, если бы захотел. В конце концов, это имеет смысл, отец, нам лучше держаться подальше от турниров".

Оберин рассмеялся: "Может быть, после этого", - сказал он. "Пусть люди гадают, насколько ты стала лучше, насколько сильнее. А пока иди и покажи им всем их место".

Обара кивнула. "Да, отец", - пообещала она с гадючьей улыбкой на лице. И с этими словами она вышла и преподала основательный урок всем тем, кто все еще смотрел свысока на Лорда Драконьего Камня, на его рождение, на его нежелание участвовать в турнирах, на его молодость и молодость его жены, как будто все это действительно имело значение в конце концов, когда Джон Старк верил в справедливость и действительно был лучшим фехтовальщиком Вестероса со времен Меча Зари.

Лорд Джон Аррен

Джон Аррен очень внимательно наблюдал за тем, как король Роберт прижимает к груди крошечного Дункана Старка, пытаясь заинтересовать явно слишком умного младенца кусочком ленты, которую ему, должно быть, подарила жена или дочь. Дункана Старка это совершенно не интересовало, его темно-фиолетовые глаза несколько мгновений следили за лентой, прежде чем он потянулся к своей Леди-матери за утешением.

Внешность Дункана Старка была необыкновенной. Сам Эртур Дейн, когда он впервые появился со своим оруженосцем/племянником со светлыми волосами и темно-синими глазами, засвидетельствовал, что прошло уже несколько поколений с тех пор, как Дейн в последний раз демонстрировал и светлые волосы, и фиолетовые глаза. По словам Неда Дейна, весь их род был более чем доволен внешностью маленького мальчика, несмотря на то, что они почти не имели никакого отношения к воспитанию Джона Старка. И все же Джон Аррен не находил в себе сил винить их за это. Дочь их дома была обесчещена. Конечно, они будут держаться подальше от

этого позора. А кто бы не стал? Только Эртур Дейн и, конечно, Нед Старк, который, по мнению Джона, всегда был склонен поступать по чести, преподанные ему в Орлином Гнезде. Но откуда Джон мог знать, что Тихий маленький Волк из Винтерфелла пришел с уже существующим кодексом чести, и все, что Джон сделал, это сделал его более жестким?

Малыш Дункан начал суетиться, и у Роберта, к счастью, не было иного выбора, кроме как передать его матери, которая все еще выглядела такой юной, что у Джона защемило старое сердце. Легкая выпуклость ее живота, свидетельствующая о ношении нового ребенка, заставила его почувствовать себя одновременно уверенным в правильности выбора, который они с Робертом сделали, и мучительно виноватым, потому что, боги, неужели девочке уже исполнилось шесть и десять именин? И вот ее второй ребенок, уже видимый для всех. Именно они обрекли ее на это, напомнил он себе. Они с Робертом шутили о волчьих щенках и о том, что розы будут жить в мире. Джон невольно подумал, что ни один из них не задумывался о том, что в их планы втянута вполне реальная маленькая девочка. А в следующее мгновение она поравнялась с молодым человеком, который, как знал Джон, должен был быть Джоном Старком из Драконьего камня, хотя бы потому, что он был похож и на Неда, и на Брандона Старка. Он так вырос с тех пор, как Джон видел его в последний раз, что с трудом узнавал. Молодой Лорд обнял ее и поцеловал в висок, и Джон Аррен почувствовал, что расслабляется. Возможно, они все-таки не обрекли двух детей на вечное несчастье, даже если заставили их вырасти раньше времени.

Несколько мгновений спустя он поймал себя на том, что размышляет о том, что они с Робертом затеяли, пока Песчаные Змейки Дорна взяли на себя обязанность охранять честь Джона Старка, а он отказался, как и любой настоящий Северянин. Неужели они допустили какой-то грубый просчет? Неужели они позволили Неду зайти достаточно далеко, чтобы потерять его преданность и увидеть, как он действует через своих детей? Или все дело в браке Тиреллов и Мартеллов, о котором уже больше года говорили в королевстве?

Затем он забыл о своих подозрениях и повернулся к их золотоволосому наследнику престола. Никогда еще Баратеон не выглядел так, и, в отличие от Дункана Старка, чей цвет волос и глаз, по крайней мере, мог быть объяснена. Джон Аррен был не из тех, кто сбрасывает со счетов историю из-за прихоти.

http://tl.rulate.ru/book/40965/914273